

DOI: 10.33184/dokbsu-2022.3.5

Шекспировские мотивы в драме А. Стриндберга «Отец»

А. В. Коровкина

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: lika.liko.01.01@mail.ru

В настоящей статье предпринимается попытка выявить и проанализировать ряд шекспировских мотивов в пьесе А. Стриндберга «Отец». Проведенный сопоставительный анализ текстов показал, что в «Отце» обнаруживаются ин-тертекстуальные связи с трагедиями «Отелло» и «Гамлет», комедией «Венецианский купец» У. Шекспира; при этом большую часть использованных Стриндбергом шекспировских мотивов составляют разноуровневые реминисценции из «Гамлета» («яд сомнений», «письмо смерти», мотив разочарованного отца, мотив сумасшествия, одиночества, предательства, женского коварства).

Ключевые слова: новая драма, А. Стриндберг, шекспировские мотивы, образ Гамлета, мотив сумасшествия и одиночества.

В творчестве А. Стриндберга пьеса «Отец», опубликованная в 1888 году в авторском переводе на французский с предисловием Э. Золя, занимает особое место и до сих пор остается «одной из самых репертуарных пьес драматурга» [2, с. 93]. Исследователь В. Максимов справедливо утверждает, что «драма восхищает своей насыщенностью и динамизмом» [1, с. 7].

Одним из ярких художественных средств, создающих отмеченную насыщенность драмы, примененных Стриндбергом в «Отце», являются мотивы и аллюзии, отсылающие читателя к произведениям великого Шекспира. А. А. Мацевич считает, что в «Отце» ошутимы также «отзвуки титанических образов Шекспира» [2, с. 89].

Как используются шекспировские мотивы и образы в драме А. Стриндберга? Напомним, что главным героем пьесы является Адольф (Ротмистр), знаменитый ученый, хороший отец, который старается направить свою дочь, БERTУ, на правильный, по его мнению, путь. С этого и начинаются его расхождения во взглядах с женой. Властная Лаура «захватывает» разум мужа, и пытается взять всю ответственность за дальнейшее будущее дочери на себя. Противостояние мужа и жены в «Отце» – это художественная иллюстрация знаменитой «борьбы полов» Стриндберга, войны между мужчиной и женщиной, в которой главная героиня борется за власть над ребенком. Против мужа

Лаура не использует явных противозаконных средств: она просто поселяет в нем сомнение в отношении отцовства, чем доводит до апоплексического удара, и таким способом побеждает. «Маленькое невинное убийство, к которому не может придраться закон», как характеризует случившееся Пастор, брат Лауры [3, с. 75]. Сам Адольф прекрасно осознает, какими средствами действовала против него жена: «Да, ты по капле лила мне в ухо яд сомнения» [3, с. 69]. Заметим, что вливание яда в ухо – это, несомненно, аллюзия на картину убийства Гамлета-старшего, которому Клавдий влил в ухо смертоносный сок белены. А. А. Мацевич на основе мотива «яд сомнения» сравнивает Лауру с персонажем «Отелло»: «Подобно Яго, отравляет ядом сомнений душу мужа» [2, с. 91].

В «Отце» можно обнаружить, по меньшей мере, еще один мотив, связывающий пьесу с шекспировским «Отелло», – это разочарование отца в отношении к нему дочери. Вспоминаются слова разгневанного Брабанцио, отца Дездемоны, которые он бросает сторяча, узнав, что Дездемона сбежала из отчего дома: «Считайтесь после этого отцами»; «Отцы, не верьте больше дочерям, Как ни были б невинны их повадки!» [6, с. 12]. Ротмистр также глубоко разочарован отношением к нему Берты, в кульминационный момент он даже восклицает: «Не называй меня больше отцом!» [3, с. 79].

Мотив разочарованного отца, конечно же, отсылает читателя и к другой знаменитой трагедии Шекспира – «Королю Лиру», на что указывал в своей монографии, посвященной творчеству Стриндберга, А. А. Мацевич: «Литературные прототипы Ротмистра – скорее не современные герои, а шекспировские «беззащитные титаны» – Отелло, Лир» [2, с. 91].

В пьесе «Отец» очевидна также интертекстуальная связь с комедией Шекспира «Венецианский купец»: шведский драматург создает парафраз монолога Шейлока. По определению М. О. Эрштейн, Стриндберг в данном случае использовал такой тип интертекстуального включения, как «неатрибутированная аллюзия» [8, с. 437].

Сравним два фрагмента. У Шекспира: «Разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать – разве мы не смеемся? Если нас отравить – разве мы не умираем?» [4, с. 257].

Схожий монолог произносит Ротмистр в «Отце»: «Да, плачу, хоть и мужчина. Но разве у мужчин нет глаз? Нет рук, тела, чувств, ощущений, страстей? Разве они не питаются той же пищей, не поражаются тем же оружием, не зябнут зимою, не страдают от жары летом, – как женщины? Разве мы не истекаем кровью, если вы раните нас? Разве мы не смеемся, если вы щекочите нас? Разве мы не умираем, если вы отравляете нас?» [3, с. 70–71].

Но более всего «Отец» насыщен шекспировскими аллюзиями из «Гамлета». Обращает на себя внимание безусловная близость образов Ротмистра и Гамлета. В первую очередь, их, конечно, сближает мотив сумасшествия, что было отмечено А. А. Мацевичем: «Сомнения и колебания Адольфа роднят его и с другим шекспировским героем – Гамлетом, как и мотив безумия, хотя у Ротмистра оно и не притворно» [3, с. 91].

Еще одна общая черта у главных героев Шекспира и Стриндберга: Ротмистр, как и Гамлет, ведет собственное расследование хитроумного заговора против него. По нашему мнению, Гамлет, как и Адольф, по своей природе добрый человек, но чрезвычайные обстоятельства заставляют его взять на себя несвойственную ему роль, и он становится жестоким. Так же, как и датский принц, Адольф оказывается в полном одиночестве, оба героя находятся под властью низких, подлых людей. Так, Гамлет говорит о себе, обращаясь к Горацио: «Кругом опутан негодяйством» [5, с. 274]. Ротмистр: «Да вы все против меня» [3, с. 79]; «Все вы мне враги» [3, с. 82]. Как считает М. О. Эрштейн, Гамлета предают все вокруг, даже мать, ему не на кого опереться [7, с. 204]. То же и Ротмистром; важная деталь – на Ротмистра смирительную рубашку надевает кормилица, отчасти заменявшая ему мать, единственный человек, которому он хотя бы немного доверял.

Мотив одиночества и предательства близких друзей отчетливо звучит в монологе принца: Гамлет, держа в руке флейту, отвечал Гильденстерну с Розенкранцем: «вам кажется, что мои лады вы знаете»; «назовите меня каким угодно инструментом – вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете» [5, с. 223]. Заметим, что Адольф так же заявляет: «я не потерплю никаких посягательств на мои права ни со стороны женщин, ни со стороны детей» [3, с. 59].

Особое внимание необходимо обратить на то, что в обеих пьесах можно выделить такой художественный прием, как «письмо смерти». В «Гамлете» Клавдий составляет письмо, в котором распоряжается убить принца по прибытии в Англию. Гамлет изменяет его содержание, приказывая немедленно казнить подателей письма. В «Отце» же Лаура занимается подделыванием письма (из содержания которого можно заключить, что Ротмистр сам считает себя сумасшедшим), что приводит, в итоге, к гибели главного героя.

Тема женского коварства и непостоянства также затрагивается в обоих произведениях. При этом оба главных героя любили своих избранниц, но жестоко разочаровались в своих чувствах. Так, Гамлет сначала говорит Офелии, что когда-то любил ее, и затем тут же отрицает это. То же мы видим и в отношениях Адольфа и Лауры: оба признают, что любовь когда-то была и, возможно, непостижимым образом сохраняется. Адольф, как и герой Шекспира, отвергает не саму возлюбленную, а то, какой она стала. В «Отце» Лаура умышленно провоцирует героя, делает все возможное, чтобы он засомневался в ней, что напоминает кризис в отношении Гамлета к Офелии: в разговоре с Офелией

Гамлет сомневается в ее искренности, замечает в поведении притворство, что приводит, как мы полагаем, к разрушению в сознании героя светлого образа любимой.

Также обращает на себя внимание еще один общий мотив: в сцене с игрой актеров Гамлет склоняет голову на колени Офелии; именно этот эпизод вспоминается во время финальной сцены «Отца», когда Ротмистр говорит Маргарите: «Поди сюда и сядь рядом на стул. Так. Я положу голову к тебе на колени» [3, с. 83].

Итак, в пьесе «Отец» А. Стриндберга обнаруживаются интертекстуальные связи с «Гамлетом», «Отелло» и «Венецианским купцом» У. Шекспира. К шекспировским мотивам, звучащим в драме А. Стриндберга, относятся мотивы «яд сомнений» и «письмо смерти», мотивы разочарованного отца, сумасшествия, одиночества, предательства и женского коварства.

Литература

1. Максимов В. Беспредельный Стриндберг/ А. Стриндберг. Жестокий театр. – М.: Совпадение, 2005. – С. 6–28.
2. Мацевич А. А. Август Стриндберг: Жизнь и творчество (1849–1912). – М.: ИМЛИ РАН, 203. – 264 с.
3. Стриндберг А. Отец / пер. А. и П. Ганzenов/ А. Стриндберг. Жестокий театр. – М.: Совпадение, 2005. – С. 44–86.
4. Шекспир У. Венецианский купец/ пер. Т. Шепкиной-Куперник/ У. Шекспир / Полн. собр. соч. в 8 т. – Т. 3. – М.: «ИСКУССТВО», 1958. – С. 211–310.
5. Шекспир У. Гамлет/ пер. М. Лозинского/ У. Шекспир. Трагедии. – СПб.: Лениздат, 1993. – С.141–290.
6. Шекспир У. Отелло/ пер. Б. Пастернака/ У. Шекспир. Собр. соч. в 8. – Т. 6. – М.: «Интербук», 1995. – С. 7–142.
7. Эрштейн М. О. Образ Фортинбраса в трагедии Шекспира «Гамлет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №6–2(48). – С. 203–205.
8. Эрштейн М. О. Интертекстуальные включения в пьесах А. Стриндберга «Отец» и «Фрекен Жюли» // Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: Материалы IV Международной научно-методической конференции, Уфа, 23 декабря 2015 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. – С. 436–440.

Статья рекомендована к печати кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского Государственного университета (канд. фил. наук, доцент М. О. Эрштейн)

Shakespearean motifs in A. Strindberg's play "The Father"

A. V. Korovkina

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: lika.liko.01.01@mail.ru

The article attempts to identify and analyze several Shakespearean motifs in A. Strindberg's play "Father". A comparative analysis of the texts has shown that the "Father" contains intertextual links with the tragedies "Othello" and "Hamlet", the comedy "The Merchant of Venice" by W. Shakespeare; at the same time, most of the Shakespearean motifs used by Strindberg are multi-level reminiscences from "Hamlet" ("poison of doubt", "letter of death", the motif of a disappointed father, the motif of madness, loneliness, betrayal, female treachery and inconstancy).

Keywords: new drama, A. Strindberg, Shakespeare's motives, image of Hamlet, the motive of madness and loneliness.